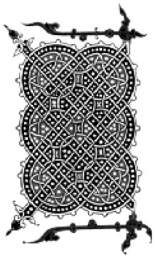

© 2024 В. Ю. Даренский
Москва, Россия

«ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ» ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА МЕНДЕЛЕЕВА

Аннотация. В статье рассматривается религиозное мировоззрение Д. И. Менделеева, «заслоненное» его гениальными открытиями. Анализируются его философские взгляды на природу и на сущность человеческого познания. Показано, что в основе всех открытий и гениальных научных предвидений Д. И. Менделеева лежало его сознательное православное мировоззрение и убежденность в реальности не только лишь материального, но и духовного мира. Именно это «тайное» знание давало ему возможность понимать всеединство тварного бытия и его связь с Творцом. Особое внимание уделено его теории «эфира» и «трочности» бытия.

Ключевые слова: Д. И. Менделеев, познание, мировоззрение, эфир.

Ссылка при цитировании: Даренский В. Ю. «Тайные знания» Дмитрия Ивановича Менделеева // Традиции и современность. 2024. № 36. С. 37–45

Даренский Виталий Юрьевич (Darensky Vitaly Yurievich) – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), член Союза писателей России, эл. почта: darenskiy1972@rambler.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2024. № 36. С. 37–45

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 124.5; 281.93; ББК – 72.6; 86.372-5; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2024-36/37-45>

До настоящего времени, к сожалению, остается почти неизвестным и не рассматривается общее мировоззрение Д. И. Менделеева, «заслоненное» его гениальными открытиями, проектами и прогнозами в самых разных сферах науки. «Заветные мысли» не только не устарели, но стали в наше время едва ли не настольной книгой для всех русских людей, думающих о будущем нашей Родины. Вместе с тем у русского гения есть и несколько текстов, которые показывают его представление о сущности материального мира как такового. Д. И. Менделеев был православным человеком, а вовсе не «материалистом», каким его пытались изобразить в советское время. Однако как православная вера сочеталась у него со страстью к исследованию природы? Понятно, что это не просто какое-то случайное сочетание, но православный ученый имеет особое оправдание перед Богом за свои занятия – познание Природы он понимает, во-первых, как служение человечеству, как творение добра людям; а во-вторых, как часть познания не только мира, но и его Творца через творение: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1: 20).

Политические убеждения Д. И. Менделеева известны: как православный человек, он был и убежденным монархистом – и поэтому, когда в ноябре 1905 г. были созданы русские патриотические организации для противостояния революционной Смуте, Д. И. Менделеев в числе ряда других выдающихся деятелей Отечества сразу избрали почетным членом «Союза русского народа», основными задачами которого было «развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу дорогого нашего Отечества – России единой и неделимой», как сказано в уставе этой организации.

Но не менее ценны и интересны его философские взгляды на природу и на сущность человеческого познания. Именно их мы кратко рассмотрим в данной статье (продолжая анализ, который был проведен в нашей работе, опубликованной 15 лет назад: Даренский 2009). Стоит начать со статьи «Об единице». Это единственная его статья, которая была подписана псевдонимом («Попов») – очевидно потому, что Д. И. Менделеев высказывал здесь весьма рискованные для сообщества ученых тезисы и поэтому не хотел создавать лишнего шума.

В статье «Об единице» он писал о том, что «не существует» в реальности ни нуля, ни единицы – это абстракции человеческого ума. Они созданы искусственно для удобства счета. Но проблема состоит в том, что затем люди начинают воспринимать единицу как нечто реальное и, более того, строить

на этом свое индивидуалистическое мировоззрение. Именно это, по мысли Д. И. Менделеева, следует считать разрушительным явлением, поскольку оно внушает людям ложное представление об их обособленности друг от друга. В этой мысли великий ученый очень близок, с одной стороны, к учению В. С. Соловьева о «всеединстве» как основе всего бытия; с другой – к учению славянофилов о «соборности» и русской общине как идеальной модели устройства общества. Об этом он пишет прямо: «когда уразумеют, что единицы в природе нет... тогда падет индивидуализм и тогда славянская общинная идея заменит современную идею об единице... Настанут, вправду, новые века и в мыслях, и в делах, и в судьбах народных» (Менделеев 1954в: 243). Здесь же Д. И. Менделеев дает и свое понимание человеческой личности: «твое индивидуальное – зоологическое, животное, и все твое человеческое, и все, чем хвалишься, – все то, ведь, от других, с другими – не одному тебе, не личное, а общее» (Менделеев 1954в: 242). Здесь дано очень точное различие личности и индивидуальности: последняя дана от природы и не представляет ценности, поскольку есть у всех; личность же – это лишь то в человеке, что представляет ценность для других и сформировано другими.

Все эти мысли Д. И. Менделеева не могли быть сформированы его научными изысканиями, они лежат в совсем иной плоскости. Это та сфера, которая называется мировоззрением, и формируется она уже с детства под влиянием родителей и религиозной веры. Наука приходит уже потом, и она может как сломать это изначальное мировоззрение, так и усилить его новыми аргументами. У Д. И. Менделеева – усилила. Но поскольку мировоззрение – это не продукт науки, а результат воспитания и нравственного выбора, уже по отношению к науке оно выступает как нечто первичное, как некое «тайное знание», которое предшествует научной работе и не зависит от нее.

В современной науке этот феномен называется «hidden knowledge», то есть «скрытое знание». Именно оно определяет степень таланта ученого, даже если и остается не вполне осознанным. А поскольку Д. И. Менделеев был не просто талантливым, а гениальным ученым, то понятно, что его «скрытое знание» было очень глубоким, порождая его научные открытия.

Те же идеи, которые были сформулированы в статье «Об единице», еще глубже и ярче ученый развернул позже в статье «Перед картиною А. И. Куинджи». Д. И. Менделеев был дружен с художниками и любил размышлять о живописи. Стоит привести большие выдержки из этой статьи:

«В древности пейзаж не был в почете, хотя существовал. Даже у великанов живописи XVI ст.

пейзаж, если был, то служил лишь рамкою. Тогда вдохновлялись лишь человеком, даже богов и Бога выражали человеком! В человеке одном находили бесконечное и божественное, вдохновляющее; тогда поклонялись уму и духу людскому. В науке это выразилось тем, что ее венцом служили математика, логика, метафизика, политика. В искусстве людское самообожание выражено в том, что художников занимал и вдохновлял только человеческий образ. Думаю и пишу, однако, не против математики, метафизики или классической живописи, а за пейзаж, которому в старине не было места. Время сменилось. Люди разуверились в самобытной силе человеческого разума, в возможности найти верный путь, лишь углубляясь в самих себя, в людское, становясь аскетом или метафизиком, или политиком, и было понятно, что, направляя изучение на внешнее, попутно станут лучше понимать и себя, достигнут полезного, спокойного и ясного, потому что к внешнему можно отнестись правдивее. Стали изучать природу, родилось естествознание, которого не знали ни древние века, ни эпоха Возрождения. Наблюдение и опыт, индукция мысли, покорность неизбежному, его изучение и понимание скоро оказались сильнее и новее, и плодотворнее чистого, абстрактного мышления, более доступного и легкого, но не твердого, свертывающего поминутно даже с верной дороги на лживую. Стало понятно, что человек, его сознание и разум – только доли целого, легче постигаемого во внешней, чем во внутренней людской природе» (Менделеев 1954г: 247–248).

Как видим, здесь развивается та же самая мысль, что и в статье «Об единице», – мысль о необходимости смирения гордого человеческого Я, к которому ведет не только внутреннее нравственное усилие человека, но и развитие наук и искусств. Отсюда и новый образ Природы: «Пришлось из царского своего величия потерять кое-что, выгадывая в правде и силе. Природа стала не рабом, не рамкой – подружкой, равной человеку, женою мужу. И мертвая, бесчувственная ожила пред глазами людей. Нашлось везде движение, во всем запас энергии, везде высший, естественный разум, простота и целесообразность или красота внутреннего смысла. Венцом знания стали науки индуктивные, опытные, пользующиеся знанием внешнего и внутреннего, помилившие царственную метафизику и математику с покорным наблюдением и с просьбою ответа у природы» (Менделеев 1954г: 248).

Тем самым мышление Д. И. Менделеева, касаясь вопросов, казалось бы, далеких от религии, на самом деле даже и в этих вопросах оказывается глубоко православным, основанным на принципе аскезы человеческого разума – его смирения перед реальностью Божьего мира. Это обусловило парал-

лельные процессы в эволюции науки и искусства:

«Единовременно – если не раньше – с этой переменою в строе познания родился пейзаж. И века наши будут когда-нибудь характеризовать появлением естествознания в науке и пейзажа в искусстве. Оба черпают из природы, вне человека. Старое не умерло, не брошено и не забыто, а новое родилось и усложнило число понятий, упростив и уяснив понимание прежнего. Бесконечное, высшее, разумнейшее, божественное и вдохновляющее нашлось вне человека, в понимании, изображении, изучении и образе природы. Самопознание от этого возросло. Еще крепка, хоть и шатается, старая вера в абсолютный человеческий разум, еще не выросла новая в целом, где человек есть часть законная; оттого и кажется иным, что исчезающее ничем не заменяется, но сила естествознания и пейзажа убеждает в могуществе народившегося. Как естествознанию принадлежит в близком будущем еще высшее развитие, так и пейзажной живописи – между предметами художества. Человек не потерян, как объект изучения и художества, но он является теперь не как владыка и микрокосм, а как единица в числе» (Менделеев 1954г: 248).

Здесь ключевыми являются слова: «Бесконечное, высшее, разумнейшее, божественное и вдохновляющее нашлось вне человека, в понимании, изображении, изучении и образе природы. Самопознание от этого возросло». В этом определении – «ключ» ко всему мировоззрению Д. И. Менделеева и пониманию того, зачем православный человек занимается естественными науками. Не только ради пользы развития цивилизации, но и ради воспитания в себе смирения перед Божиим творением – «самосознание возросло». В то время как масса естествоиспытателей его времени сделала из Природы нового языческого идола, стала ему поклоняться и забыла о Творце всего сущего, Д. И. Менделеев понимал познание природы так, как учили святые Отцы Церкви.

В статье «Мировоззрение», которой как смысловым завершением заканчиваются «Заветные мысли», Д. И. Менделеев, по его признанию, хотел передать «свои исходные положения», выработанные «всею совокупностью испытанного и узнанного в жизни». Современная эпоха, писал он, пытается «сосредоточенным стремлением найти вновь как-то затерявшееся “начало всех начал”, исходя то из субъективной самостоятельной точки зрения, то из какого-то абстрактного единства, будь оно энергия вообще, или, в частности, электричество, или что-либо иное – только не древнее исходное начало, Богом наименованное. От физики до метафизики теперь стараются сделать расстояние до того обоюдно ничтожно малым... Старые боги

отвергнуты, ищут новых, но ни к чему сколько-либо допустимому и цельному не доходят; и скептицизм узаконяется, довольствуясь афоризмами и отрицая возможность цельной общей системы. Это очень печально отражается в философии, пошедшей за Шопенгауэром и Ницше, в естествознании, пытающемся “объять необъятное”... в целой интеллигенции, привыкшей держаться “последнего слова науки”, но ничего не могущей понять из того, что делается теперь в науках; печальнее же всего господствующий скептицизм отражается на потерявшейся молодежи... Известно, что скептицизм-то и сгубил казавшиеся столь крепкими устои древнего мира, а немало мыслителей, думающих то же самое про устои современности» (Менделеев 1954б: 455–456).

Здесь важны его размышления о причинах скептицизма (и безбожия, к которому он неизбежно приводит): «Современный научно-философский скептицизм берет свое начало из вековечно существовавшего и долженствующего вечно существовать стремления людей признать единство всего внутреннего и внешнего мира, что и выражено в признании единого Бога и в стремлении это исходное понятие об “едином” по возможности реализовать или узнать ближе... Стремление реализовать так или иначе “единое”, или “единство”, есть естественное следствие пытливости... потому что вечное, общее и единое во всяком случае логически выше реального, которое познается лишь во временном, частном и многообразном лишь разумом и в отвлечении обобщаемом, что и составляет область наук, а в их числе и философии... Науки в сущности отвлекают от прямого реализма, и если они либо по сюжету реальны, либо реально полезны, потому что дают полезные предсказания, то тем самым только подчеркивается необходимость отвлечений, их значение и полезность. Очень должна быть велика путаница мысли, когда с научными приемами хотят найти реализацию высшего единства, одним реальным выразить множество реальностей или отвлечений. Вот и выходит белка в колесе. А как это увидят, сейчас и бросают, сейчас и впадают в скептицизм по отношению ко всем и всяким обобщениям, конечно, кроме слов, которые сами по себе не что иное, как первичные обобщения. Реализация, какая бы там ни была, обобщения, столь отвлеченного, как общее “единое”, или “единство”, просто-напросто противоречит самому духу наук и ни к чему, кроме сомнений скептицизма, приводить не может. Порок тут вовсе не в самой идее единства, а только в стремлении его реализовать в образы, формы и частные понятия. Никогда этого не достичь по самой логике дела, а общее “единое” не следует и пытаться представить ни в таких материальностях, как вещество или энергия, ни в таких ре-

альностях, каковы разум, воля, индивидуум или все человечество, потому что и то и другое должно охватываться этим общим “единым”, и то и другое составляет лишь предметы обобщающих наук» (Менделеев 1954б: 456–457).

Попытка познать Единое сущее (но не «единицу» каждого отдельного существа, которая на самом деле есть фикция) путем наивного обобщения частных наук, как пишет здесь Д. И. Менделеев, обречена на провал и всегда неизбежно приводит к скептицизму. Только верующий разум, который знает о Творце – подлинном Едином – может иметь и единое высшее знание. А это высшее религиозное знание мирового Всеединства предполагает и смирение разума перед необъятным пространством Непознанного: «Во всяком случае признать громадность массы совершенно неизвестного – неизбежно необходимо... помимо “начала всех начал”, для которого почва создается не изучением, а тем, что называется верою и определяется инстинктом, волею, чувством и сердцем. Ведь где-нибудь да кончаются же обобщения разума? Не сводится же вся его веками собираемая в науке работа на одну разработку частных наук? Где же грань современных разумных обобщений, если не в “едином” общем? Вот тут вопрос мировоззрения, задача того разряда мыслей, по которому сиздавна отличают такие просто прикладные науки, как медицинские, инженерно-технические и юридические, от философских... здравый смысл ясно сознает, что прикладные науки движутся философскими и в то же время что философские науки разрабатываются только потому, что их хотя бы и тусклый свет все же освещает пути жизни» (Менделеев 1954б: 457–458).

Вместе с тем Д. И. Менделеев здесь дает и свое позитивное определение единства всех познавательных способностей человека: «по моему разумению, грань наук, донныне едва достигнутая и, по всей видимости, еще и надолго долженствующая служить гранью научного познания, грань, за которою начинается уже не научная область, всегда долженствующая соприкасаться с реальностью, из нее исходить и в нее возвращаться, эта грань сводится... к принятию исходной троицы неслияемых, друг с другом сочетающихся, вечных (насколько это нам доступно узнавать в реальностях) и все определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа (или психоза). Признание их слияния, происхождения и разделения уже лежит вне научной области, ограничиваемой действительностью или реальностью. Утверждается лишь то, что во всем реальном надо признать или вещество, или силу, или дух, или, как это всегда и бывает, их сочетание, потому что одинаково немыслимы в реальных про-

явлениях ни вещество без силы, ни сила (или движение) без вещества, ни дух без плоти и крови, без сил и материи» (Менделеев 1954б: 458).

Ключевое определение здесь – «исходной троицы несливаемых друг с другом определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа», происхождение и познание которых «уже лежит вне научной области», то есть относится уже к области религии и философии, а не естественных наук.

Это второй важнейший «ключ» к пониманию мировоззрения ученого. Главное здесь – понимание *троичности* разделения всего тварного бытия, которое указывает и на троичность Лиц Бога по принципу «анalogии бытия». Эта «исходная троица» в тварном бытии «несливаема», но и нераздельна – то есть является тварным отражением «неслиянности и нераздельности» в Творце – Боге Троице. Такое «троическое» мышление о сущем у Д. И. Менделеева было воспитано его православной верой, иных источников оно иметь не может.

Отметим, что в это же самое время принцип аналогии бытия Творца и твари является одним из ключевых для философии у великого современника Д. И. Менделеева – святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Вот как у него сказано об аналогии в природе: «Царство природы вещает нам и о непостижимой тайне в Троическом Единстве Творца. Печать сей тайны лежит глубоко в природе всех сотворенных вещей, то есть всего того, что устроено из вещества или праха. Троическое Единство, как основная мысль, проведена во всех произведениях Премудрости Творца, в Троице Прославляемого» (Иоанн Кронштадтский 2004: 21). Например, таков свет – с его «тройственными лучами»: «световыми, тепловыми и электрическими» (Иоанн Кронштадтский 2004: 9). В свою очередь, «у человека изощрены высшие духовные способности, насколько необходимо для служения своему Творцу и Богу. Какие же это способности? Разум, воля, чувство. Эти три составляют одно, непостижимое, светлое, предназначенное к вечному блаженству существо духа в общении со своим Творцом. Эти три способности духа ни разделить, ни слить в одно целое нельзя. Между тем, по чудному, непостижимому единению этих способностей едва успеешь сказать или сделать что-либо, как тотчас же и в слове, и в деле обнаружится дух, единый в трех способностях. Ясно, что Бог положил досточудный Образ Триипостасного Единства Своего в духе всякого человека, приходящего в мир... Образ Божий в духе человеческом проявляет троичность не только не слитую, но и не раздельную» (Иоанн Кронштадтский 2004: 294–295). Как видим, Д. И. Менделеев и святой праведный отец Иоанн Кронштадтский мыслят о бытии одинаково.

Отметим также, что принцип аналогии бытия, который усматривает троичность не только в Боге, но и в тварном бытии как отражение Творца, и в наше время глубоко исследуется многими учеными. В частности, академик Б. В. Раушенбах (создатель ракетной техники, а затем исследователь иконы) в своей статье «О логике триединности» приводил такой пример простого математического объекта: «самый обыкновенный вектор в трехмерном пространстве и его три ортогональные составляющие дают логически безупречный пример объекта, обладающего совокупностью нужных свойств: триединности, единосущности, неслиянности и нераздельности» (Раушенбах 1990: 167).

Свое представление о структуре тварного бытия (Природы в целом) Д. И. Менделеев к концу жизни выразил и в особом исследовании. В 1905 г. была опубликована его работа «Попытка химического понимания мирового эфира», как своего рода «научное завещание», в которой Д. И. Менделеев писал: «Как рыба об лед испокон веков билась мысль мудрецов в своем стремлении к единству во всем, т.е. в искании “начала всех начал”, но добилась лишь того, что все же должна признавать нераздельную, однако и не сливаемую, познаваемую троицу вечных и самобытных: вещества (материи), силы (энергии) и духа, хотя разграничить их до конца, без явного мистицизма невозможно... Ни совершенно слить, ни совершенно отделить, ни представить какие-либо переходные формы для духа, силы и вещества не удастся никому, кроме явных мистиков и тех крайних, которые не хотят ничего знать ни про что духовное: разум, волю, желание, любовь и самосознание... обратим внимание на то, что вечность, неизменную сущность, отсутствие нового происхождения или исчезновения и постоянство эволюционных проявлений или изменений признали люди не только для духа, но и для энергии или силы, равно как и для материи или вещества... Так во многом смутное, но все же подлежащее уже анализу понимание исходной троицы познания (вещество, сила и дух) составляет основу современного реализма, глубоко отличающегося как от древнего, так и от еще недавнего, даже еще донныне распространенного унитарного материализма, который все стремится познать из вещества и его движения... Думаю даже, что современный реализм яснее и полнее всего характеризуется признанием вечности, эволюции и связей: вещества, сил и духа» (Менделеев 1958: 486).

Как видим, здесь Д. И. Менделеев также опирается на свою исходную концепцию «троичности» тварного бытия, полагая ее в нераздельности и неслиянности трех составляющих – вещества, сил и духа. Однако в этой работе он идет дальше и ищет некое опосредующее звено между этими тре-

мя элементами, полагая, что им является «эфир» как сверхтонкая тварная субстанция: «...есть свои побочные причины постоянного беспокойства. Их много. Одну из них выбираю предметом статьи, а именно мировой эфир или просто “эфир”... Ранее, чем излагать свой посильный ответ на вопрос о химической природе эфира, считаю долгом высказаться о мнении, которое читал между строк и не раз слышал от своих ученых друзей, верящих в единство вещества химических элементов (или простых тел) и в происхождение их из одной первичной материи. Для них эфир содержит эту первичную материю в несложившемся виде, т.е. не в форме элементарных химических атомов и образуемых ими частиц и веществ, а в виде составного начала, из которого сложились сами химические атомы. Нельзя не признавать в таком воззрении увлекательной стороны. Как миры иногда представляют сложившимися из разъединенных тел (твердой космической пыли, болидов и т.п.), так атомы представляют произошедшими из первичного вещества...

Но вполне, так сказать, бескровный, ближе ничем не определяемый эфир окончательно теряет всякую реальность и составляет причину беспокойства вдумчивых естествоиспытателей, лишь только спускаемся с неба на землю и признаем его проникающим во все тела природы. Необходимость легкого и полного проникновения всех тел эфиром следует признать не только ради возможности понимания множества общеизвестных физических явлений, начиная с оптических (над чем не считаю надобным останавливаться), но и по причине великой упругости и, так сказать, тонкости эфирного вещества, атомы которого всегда и все представляют себе не иначе, как очень малыми сравнительно с атомами и частицами химически известных веществ, т.е. подобными аэролитам среди планет. Притом такая проницаемость эфиром всех тел объясняет и невозможность уединить это вещество, как нельзя собрать ни воды, ни воздуха в решете, каким для эфира должны считаться всякие твердые и иные преграды» (Менделеев 1958: 487).

Здесь Д. И. Менделеев вводит принципиальную инновацию в свою периодическую таблицу химических элементов следующим образом: «Если же аналоги аргона вовсе не дают соединений, то очевидно, что нельзя включать ни в одну из групп ранее известных элементов, и для них должно открыть особую группу нулевую... Это положение аргоновых аналогов в нулевой группе составляет строго логическое следствие понимания периодического закона... Теперь же, когда стало не подлежать ни малейшему сомнению, что перед той I группой, в которой должно помещать водород, существует нулевая группа, представители которой имеют веса ато-

мов меньше, чем у элементов I группы, мне кажется невозможным отрицать существование элементов более легких, чем водород... я прибавляю в последнем видоизменении распределения элементов по группам и рядам не только нулевую группу, но и нулевой ряд, и на место в нулевой группе и в нулевом ряде помещен элемент x (мне бы хотелось предварительно назвать его “ньютонием” – в честь бессмертного Ньютона), который и решаюсь считать, во-первых, наилегчайшим из всех элементов, как по плотности, так и по атомному весу, во-вторых, быстрее движущимся газом, в-третьих, наименее способным к образованию с какими-либо другими атомами или частицами определенных сколько-либо прочных соединений, и, в-четвертых, – элементом, всюду распространенным и все проникающим, как мировой эфир» (Менделеев 1958: 488).

По мнению Менделеева, группа инертных газов могла быть дополнена коронием и еще более легким, пока неизвестным элементом. Свои соображения Менделеев высказал в статье «Попытка химического понимания мирового эфира» (1902, опубликована в 1905) и 8-м издании учебника «Основы химии» (1906). Д. И. Менделеев привел свои расчеты массы атома ньютона, исходя из «возможности движущимся частицам вырываться из сферы притяжения земли, солнца и звезд». Она, по расчетам ученого, может колебаться в пределах $9.6 \cdot 10^{-7}$ до $5.3 \cdot 10^{-11}$ от массы атома водорода: «для понимания множества явлений совершенно достаточно признать пока, что частицы и атомы легчайшего элемента x , могущего свободно двигаться всюду, имеют вес, близкий к одной миллионной доле веса водородного атома, и движутся со средней скоростью, недалекою от 2250 километров в секунду» (Менделеев 1958: 489). В последних прижизненных 7-м и 8-м изданиях «Основ химии» Менделеев не включил ньютоний и короний в прилагаемые периодические таблицы, но обозначил их «вакантные» места переменными значками X и U . Побочным результатом в области физики, полученным благодаря им Д. И. Менделеевым, явился вывод уравнения идеального газа (Менделеев 1906: 3).

Считается, что представления о мировом эфире якобы «устарели» после появления специальной теории относительности и создания квантово-механической модели атома. Действительно, к 1930-м годам проблема «эфира» уже не существовала в науке, равно как и вопрос об элементах легче водорода (гипотеза о существовании ньютона). Однако такое мнение наивно и основано на непонимании законов развития науки. Одним из таких законов является закон смены парадигм, обоснованный Т. Куном. Суть его в том, что определенные научные представления сменяются другими – не потому, что они «устарели»

или опровергнуты, а потому что менялось мировоззрение ученых, которое формируется культурной средой. Об эфире (как и ранее о физических «стихиях») сейчас «забыли» вовсе не потому, что наука якобы опровергла эти представления, а потому, что ученые перестали понимать, о чем идет речь, и стали исследовать природу с другой точки зрения. Об эфире «забыли» вовсе не потому, что опровергли его существование (на уровне эмпирических исследований это сделать принципиально невозможно), а потому, что примитивизировалось общее мировоззрение физиков и они просто перестали понимать, что такое эфир, и перестали нуждаться в этом элементе мировоззрения. Однако такая примитивизация произошла не у всех, и до настоящего времени концепцию эфира многие из них признают, связывая эфир со свойствами физического вакуума (ведь вакуум является одним из проявлений эфира, поскольку является проводником энергии).

Гипотеза Д. И. Менделеева о существовании ньютона на самом деле является гениальным предсказанием открытия субатомарных частиц. Действительно, многие субатомарные частицы, открытые в XX в., такие, как нейтрино, фотоны и др. – имеют способность к длительному самостоятельному существованию и по этому параметру не отличаются от «классических» химических элементов. В принципе, можно предположить, что в недалеком будущем периодическая система элементов будет радикально преобразована путем включения в нее целой группы частиц, считающихся «субатомарными», но способными к самостоятельному существованию, и по этому признаку они уже сопоставимы с химическими элементами. Если это произойдет, то будет очередной «революцией» в науке – но революцией, также уже предсказанной Д. И. Менделеевым в его гипотезе о ньютонии.

В завершение стоит кратко рассмотреть также и тему спиритизма в работах Д. И. Менделеева, поскольку она также важна для понимания его мировоззрения. Как известно, к числу адептов спиритизма принадлежали и некоторые видные ученые того времени, например, зоолог Н. П. Вагнер и химик А. М. Бутлеров. 21 марта (2 апреля) 1876 г. закончила свою работу Комиссия для рассмотрения медиумических явлений. Создать эту комиссию при Санкт-Петербургском Физическом обществе предложил Д. И. Менделеев 6 мая 1875 г. Предложение в научном мире было поддержано, комиссия была образована, и в ее состав вошли 12 человек. Большинство ее членов были учеными-физиками и механиками.

Как считал Д. И. Менделеев, цель работы комиссии была достигнута только в том, что «теперь, что бы там ни было, одного спириты сказать не могут, что их фактов боится наука, что оттого-то ни-

кто и не хочет их изучать. Эта часть – покровы таинственности – навсегда свалилась в Лету» (Менделеев 1954а: 231). Однако комиссия состояла в основном из материалистов, которые, не имея возможности объяснить сверхъестественные явления, которые происходили на спиритических сеансах, поспешили поскорее завершить работу комиссии и объявить спиритов «шарлатанами». Но у Д. И. Менделеева было иное мнение, он писал: «Физическая сторона дела несомненна, т. е. стуки в спиритических сеансах происходят. Вопрос состоит в том, что стучит и обо что? Тут не два первичных вопроса, а один. Всякий стук есть колебание воздуха, следовательно, для произведения звука нужно средство привести воздух в колебательное состояние. Спрашивается поэтому: что же приводит здесь воздух в колебание?» (Менделеев 1954а: 192).

Д. И. Менделеев не дает ответа на этот вопрос, однако считает, что в будущем наука сможет раскрыть многие тайны спиритических явлений. Он писал по этому поводу: «Тот мост между явлениями физическими и психическими, который видят спириты в медиумических явлениях, составляет действительно мост желанный, и такой наука рано или поздно построит. На постройку пойдет материал физиологии и психологии, терапии и психиатрии, захватят, быть может, и факты спиритизма» (Менделеев 1954а: 234). Как видим, Д. И. Менделеев отнесся к спиритическим явлениям объективно, понимая всю реальность духовных явлений. Вместе с тем его осторожность в этом вопросе была обусловлена не только чисто научными соображениями, но и соображениями духовного прядка: ведь как православный человек Д. И. Менделеев понимал, что спиритические явления производятся inferнальными духами – то есть бесами, и поэтому нельзя этим заниматься христианину, чтобы не попасть под их власть.

С выводами комиссии не согласились многие, в том числе и Ф. М. Достоевский, который сам неоднократно принимал участие в спиритических сеансах. Комиссия, считал Достоевский, не разоблечила «мистической» составляющей спиритизма, а потому не достигла своей цели. 4 мая 1876 г. петербургская газета «Голос» опубликовала коллективное письмо, которое подписали 130 человек, в том числе известные писатели Н. С. Лесков и Д. В. Григорович. Подписанты заявляли, что комиссия «не собрала достаточных данных ни для того, чтобы признать существование медиумических явлений, ни для того, чтобы отвергнуть их» (Панченко 2015: 170). Наиболее полное описание спиритических сеансов в своем очерке дал Н. С. Лесков, и в нем зафиксировано было множество несомненно сверхъестественных явлений.

Как и Ф. М. Достоевский в своей заметке о спиритизме в «Дневнике писателя», так и Д. И. Менделеев высказали одну и ту же мысль: «Хороший урок спиритизм дал и тем, кто упрекает современное общество в чисто материальных стремлениях. Нет, здесь речь идет о духах, из-за духов здесь интересуются делом, и интересуются больше, чем многими другими успехами науки, где дело идет о материи, о веществе со всеми его признаками, долженствующими по взгляду многих волновать умы рьяных материалистов. Этого нет, и внимание к спиритизму доказало это с несомненностью» (Менделеев 1954а: 235). Пример рассмотрения спиритизма очень характерен для стремления Д. И. Менделеева найти связь между материальными и духовными явлениями.

Подводя итог, можно констатировать, что в основе всех открытий и гениальных научных предвидений Д. И. Менделеева лежали его сознательное православное мировоззрение и убежденность в реальности не только лишь материального, но и духовного мира. Именно это «тайное» знание давало ему возможность понимать всеединство тварного бытия и его связь с Творцом. В этом отношении Д. И. Менделеев не отличался от классиков науки всех времен и народов, которые всегда были глубоко религиозными людьми и часто, кроме научного познания, обладали еще и познанием мистическим. Именно эта сторона его личности очень важна и поучительна для нашего времени.

Источники и материалы

Иоанн Кронштадтский 2004 – Иоанн Кронштадтский, св. прав. Начало и конец нашего земного мира: Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса. Изд. Свято-Преображенского Мгарского монастыря, 2004.
 Менделеев 1954а – Менделеев Д. И. Материалы для суждения о спиритизме // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. XXIV: Статьи и материалы по общим вопросам. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 171–240.
 Менделеев 1954б – Менделеев Д. И. Мировоззрение // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. XXIV: Статьи и материалы по общим вопросам. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 455–461.
 Менделеев 1954в – Менделеев Д. И. Об единице // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. XXIV: Статьи и материалы по общим вопросам. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 241–246.
 Менделеев 1954г – Менделеев Д. И. Перед картиною А. И. Куинджи // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. XXIV: Статьи и материалы по общим вопросам. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 247–248.
 Менделеев 1958 – Менделеев Д. И. Попытка химического понимания мирового эфира // Периодический закон. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 470–517.
 Менделеев 1906 – Менделеев Д. Основы химии. 8-е изд., вновь испр. и доп. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1906.

Научная литература

Даренский В. Ю. Открытие Д. И. Менделеева и универсалии научного познания // Credo new. 2009. № 3 (59). С. 185–203.
 Панченко А. А. Русский спиритизм: культурная практика и литературная репрезентация // Вестник культурологии. 2015. № 4. С. 165–173.
 Раушенбах Б. В. О логике трединости // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 166–169.

References

Darenskii, V. Yu. 2009. Otkrytie D. I. Mendeleeva i universalii nauchnogo poznaniya [The Discovery of D. I. Mendeleev and the Universals of Scientific Knowledge]. *Credo new* 3 (59): 185–203.
 Panchenko, A. A. 2015. Russkii spiritizm: kul'turnaya praktika i literaturnaya reprezentatsiya [Russian Spiritualism: Cultural Practice and Literary Representation]. *Vestnik kul'turologii* 4: 165–173.
 Raushenbakh, B. V. 1990. O logike triedinosti [On the Logic of the Trinity]. *Voprosy filosofii* 11: 166–169.

«SECRET KNOWLEDGE» OF DMITRY IVANOVICH MENDELEEV

Abstract. The article examines the religious worldview of D. I. Mendeleev, «obscured» by his brilliant discoveries. His philosophical views on the nature and essence of human cognition are analyzed. It is shown that the basis of all the discoveries and brilliant scientific predictions of D. I. Mendeleev was his conscious Orthodox worldview and conviction in the reality of not only the material, but also the spiritual world. It was this «secret» knowledge that gave him the opportunity to understand the unity of the created being and its connection with the Creator. Special attention is paid to his theory of the «ether» and the «trinity» of being.

Keywords: D. I. Mendeleev, cognition, worldview, ether.

Authors Info: Darensky, Vitaly Yu. – Dr. in Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky (First Cossack University) (Moscow, Russian Federation), Email: darenskiy1972@rambler.ru

For citation: Darensky, V. Yu. 2024. «Secret knowledge» of Dmitry Ivanovich Mendeleev. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 36: 37–45

